

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ»

У цій статті на матеріалі оповідання А. П. Чехова «Товстий і тонкий» (1883) розглянуто питання про залежність мовлення людини від її соціального статусу. Виявлено та проаналізовано мовні засоби вираження письменником станового, кар'єрного та майнового статусу. Дослідження свідчить про прагнення А. П. Чехова мовними засобами створити статусний контраст між персонажами. Такими засобами є антоніми, імена та прізвища персонажів, етикетні звороти, кліше, побутові деталі.

Ключові слова: соціальний статус у мовленні, мовні засоби, контраст, персонаж, ідіостиль А. П. Чехова.

Языковое мастерство А. П. Чехова проявляется сегодня многими гранями таланта художника, которые были скрыты за ограниченными возможностями методологии лингвистических исследований прошлого века. Новизна нашего исследования заключается в комплексном подходе к выявлению и систематизации средств языка, указывающих на социальный статус художественных персонажей одного из ранних рассказов А. П. Чехова – «Толстый и тонкий».

Понятие социального статуса первоначально означало правовое положение юридического лица [13, 331]. В широкий научный обиход это понятие было введено известным немецким социологом Максом Вебером, в работах которого статус, класс и власть выступают в качестве основных измерений социальной стратификации [22, 305, 927–937]. Вебер определял социальный статус как общественное признание в виде позитивных или негативных привилегий, основанное на стиле жизни. Стиль жизни включает типичные способы времяпрепровождения, общения, выбора и устройства места жительства, выбора одежды и др. Веберовские параметры социальной стратификации различны по степени абстракции: класс является наиболее абстрактным, а статус – наиболее конкретным звеном в концептуальной триаде М. Вебера. Наиболее конкретное звено оказывается наиболее нагруженным в культурологическом отношении и поэтому получает разнообразные способы выражения в языке.

В лингвистике проблеме способов выражения социального статуса индивида и коллектива уделяют внимание разные учёные. Вопрос о социальном статусе языка и речи возникает в функциональной лингвистике, лингвопрагматике, семиотике, речевом этикете, исторической грамматике, диалектологии, лексикологии, юрислингвистике, переводоведении, стилистике, межкультурной коммуникации, других аспектах изучения языка. В этой области знаний известны авторитетные исследования Э. С. Азнауровой, Е. А. Белашовой, М. Виденова, Т. Г. Винокур, Б. Ю. Городецкого, В. М. Жирмунского, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, М. В. Китайгородской, Л. П. Крысина, Ю. С. Степанова и других [напр.: 1-7; 19]. Имеются несколько монографических исследований творческой манеры письма А. П. Чехова в XX и XXI вв. Обычно в имеющихся работах уделяется внимание тем единицам, которые отличают художественную манеру писателя, формируют чеховский идиостиль. Авторитетные исследования в этом направлении осуществлены Т. А. Кудиновой [8], Т. В. Кыштымовой [9], Е. И. Лелис [10], Г. Е. Махановой [11], М. К. Милых [12], В. П. Ходусом [20]. Намного больше учёных опубликовали результаты

своих исследований в виде статей и тезисов докладов. В нескольких наших публикациях мы затрагивали тему изображения А. П. Чеховым языковыми средствами профессиональной картины и эхо-картины мира персонажей [15-17], что частично отражает их социальный статус.

В данной статье мы продолжим рассматривать вопрос о зависимости речи человека от его социального статуса, расширив аспектную базу социального статуса. Цель работы – выявить и проанализировать языковые средства выражения А. П. Чеховым не только профессионального, но и сословного, карьерного, имущественного статуса. Материалом исследования послужил ранний рассказ писателя «Толстый и тонкий» (1883). Таким образом, объектом изучения являются средства языка, способные выразить в художественной форме социальный статус персонажа, предмет же нашего исследования – мастерство А. П. Чехова в изображении сословного, карьерного и имущественного статуса человека средствами языка. В работе описательный метод сочетается с историко-описательным, а также с методами многофакторного, семантического и социолингвистического анализа. Это указывает на совмещение в методике антропоцентрического, системно-структурного и сравнительно-исторического подходов.

С позиций системно-структурной парадигмы в XX веке было изучено и описано ядро языка, его центр. Теперь внимание переключается на его периферию, на стыки областей научных знаний, на зоны соприкосновения лингвистики с психологией, культурологией, этнографией и другими смежными с лингвистикой дисциплинами. В лингвистику пришло понимание необходимости учёта «человеческого фактора» как устной, так и письменной коммуникации. По словам Е. Н. Степанова, рассматриваются когнитивные, психолингвистические, этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы языковой практики человека; изучается его языковая картина мира, специфика речевого портрета, процессы порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании, их закрепления либо угасания в коллективном коммуникативном пространстве; выделяются языковые типы, лингвокультурные сценарии [18, 32].

В творчестве А. П. Чехова описана речь различных по статусу людей, от простых рабочих до высокопоставленных чиновников. Это может объясняться тем, что сам писатель в своей жизни успел пожить в разных социальных условиях, среди совершенно разных людей. Он испробовал множество занятий, а получив профессию врача и долго выполняя обязанности земского гласного, сталкивался с людьми разного гендера и возраста, совершенно разными по статусным данным, имевшими разные взгляды на многие жизненные ценности, на историю, политику, быт, отношения в обществе и др. Индивидуальные и социальные особенности художественной и языковой картины мира А. П. Чехова дали ему возможность реалистически изображать социальный статус своих персонажей. В каждом из своих произведений писатель отдаёт предпочтение нескольким наиболее важным, с его точки зрения, аспектам социального статуса. Автор использует языковые средства, способные выразить эти аспекты настолько реалистично, чтобы читатель сам безошибочно смог определить сословный, карьерный, профессиональный, имущественный либо иной статус персонажа в обществе, а писательская оценка лишь совпала бы с читательской.

В рассказе «Толстый и тонкий» выразительные средства социального статуса персонажей указывают на доминирование карьерного и имущественного аспектов их социального статуса. Эти средства служат контрастному восприятию двух групп

персонажей: с одной стороны – Михаил (толстый), а с другой – Порфирий (тонкий), его жена Луиза и сын Нафанаил. Чтобы подчеркнуть социальное неравенство этих групп людей, автор создаёт фигуры антитезы для описания их манеры поведения, речи, внешности, одежды, бытовых деталей. Этим же целям служат антропонимы рассказа. Имеются также языковые средства, выражающие гендерный и возрастной статусы, однако они не играют здесь ведущей роли, так как не участвуют в создании контрастного восприятия противопоставленных А. П. Чеховым персонажей.

Антонимическая пара *толстый* и *тонкий* является стержневым средством, организующим противопоставление социального статуса случайно встретившихся на вокзале Михаила и Порфирия, которые в годы учёбы в гимназии и юношеской дружбы не испытывали социального неравенства. Прямые значения этих слов указывают лишь на противоположные физические признаки. И действительно, на выражение социального контраста эти слова начинают работать не сразу. Когда старые приятели заметили друг друга, они обрадованы встрече, говорят восторженно, весело, как старые добрые друзья:

– *Порфирий!* – воскликнул *толстый*, увидев *тонкого*. – ***Ты ли это? Голубчик мой!***
Сколько зим, сколько лет!

– *Батюшки!* – изумился *тонкий*. – ***Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?***

– ***Милый мой!*** – начал *тонкий* после *лобызания*. – *Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был!* [21, 26].

Общение носит приятельский характер: речь богата восклицаниями, о чинах пока никто не думает – важен сам факт встречи школьных друзей. Обращаются друг к другу на *ты*, используя фамильярные слова и сочетания положительной оценки типа *голубчик, милый мой, друг детства, красавец*. Тонкий называет Михаила гипокористической формой его имени – *Миша*. В невербалике – искреннее *изумление* и *лобызания*. И такой стиль коммуникации продолжается до того момента, как Порфирий узнаёт, что Михаил продвинулся намного выше по карьерной лестнице, чем он, а значит, и материально обеспечен намного лучше.

Мы убеждаемся, что речевое статусное расслоение членов спонтанно возникшего языкового коллектива является социально приобретаемым феноменом, который подвержен эволюции. В конце XIX века в российском обществе было распространено мнение о том, что полнота человека, то есть *толстый* человек – это показатель здоровья, доброты, социальной и материальной успешности (имеется достаточно средств на питание, одежду, качественное жильё). В то же время, худой, *тонкий* человек традиционно воспринимался как болезненный (туберкулёз и другие болезни, не излечимые в период написания рассказа, не дают возможности располнеть), бедный, а поэтому ограничивающий себя и свою семью в питании, с социально сниженным статусом (чрезмерный физический труд, который не давал возможности полнеть, был уделом людей низкого сословия). Мнение о том, что худые люди злые, связано с фольклорными традициями россиян: Баба Яга и Кощей Бессмертный – очень худые персонажи русских сказок. Имеются поговорки, в которых отражается положительное отношение русских к полноте и сожаление о том, что человек худой, так как это представляется как признак неблагополучия. Например: *Пока толстый сохнет, худой издохнет. Под толстым сукном не хуже согреешься, как под бархатом. С горя, с печали, равна шея с плечами.*

Из реплики тонкого с толстым мы узнаём, что Порфирий дослужился до *чина коллежского асессора*, то есть был государственным служащим восьмого класса из четырнадцати. Это было ниже среднего, так как высшим был первый класс. Восьмой класс

соответствовал чину майора, предусматривал обращение *Ваше Высокоблагородие*, однако служащие этого класса имели только личный дворянский титул, который не передавался по наследству [14, 600]. Тонкий хвастает наличием *ордена Станислава*. А этот орден был самым младшим по старшинству в иерархии государственных наград, главным образом, для отличия чиновников. Коллежский асессор жалуется на низкое жалование, хотя направлен в этот город на работу *столоначальником*, то есть руководителем *стола* (отдела) в государственном учреждении [14, 1270]. В связи с нехваткой денег тонкий *делает* и *продает* деревянные портсигары, а его *жена даёт уроки* музыки. Основная оценка успешности Порфирия звучит так: *пробавляемся кое-как*. В конце реплики тонкий искренне хочет узнать о судьбе друга детства, поддержать его, решив, что толстый дослужился до *статского советника*. Этот чин соответствовал 5 рангу Табели, предполагал обращение «Ваше высокородие», занимал промежуточное положение между воинскими званиями полковника и генерал-майора, давал возможность служить вице-губернатором или председателем казённой палаты. Он был низшим классом чиновников первой группы номенклатуры, давал право на высокий должностной оклад, но ещё не давал прав на потомственное дворянство [14, 1263]. Таким образом, предлагая ситуативную антонимичную пару *коллежский асессор – статский советник*, тонкий предполагает, что статусные отношения между старыми друзьями разные, но не настолько, насколько это оказалось в действительности.

В ответной реплике толстый неожиданно ошарашил тонкого своей успешной карьерой, о которой Порфирий даже не мечтал:

- Ну а ты как? Небось уже **статский**?

- Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до **тайного** дослужился [21, 27].

Толстый уже получил чин *тайного советника*, был государственным служащим третьего класса Табели о рангах. Это соответствовало званию генерал-лейтенанта и вице-адмирала, требовало обращения *Ваше Превосходительство*, обеспечивало чиновника высокой должностью, жалованьем и давало право на потомственное дворянство [14, 1295].

Вслед за невербальной реакцией, которая имеет два этапа: этап **приспособления** (*Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; ...от лица и глаз ... посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...* [21, 27]) и этап **участия** (*...На лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и дал ему на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец...* [21, 28]), следуют вербальные статусные изменения. При этом используются такие языковые средства: формулы подчёркнутой вежливости, принятой между подчинённым и начальником, – **обращение** Порфирия к Михаилу **по чину** (*Ваше Превосходительство*) и на **Вы** и требуемые при этом **формы согласования и координации** по множественному числу при реальной единичности субъекта (*вышли в такие вельможис-с; Помилуйте... Что вы-с*); к некоторым словам присоединяется **постпозитивная частица** – *с*; **изменяется** общая **тональность диалога**, на что указывает появление **статусного слова** *вельможис*, **вежливо-оценочных клише** (*очень приятно-с; помилуйте; живительная влага; милостивое внимание*), **уничижительного междометия** (*хи-хи-с!*), **клише, лишающих речь** лица с более низким социальным статусом **категоричности** (*некоторым образом; вроде как бы; можно*

сказать). Реплики становятся бессвязным набором штампов. Например: [тонкий:] – *Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможис-с! Хи-хи-с* [21, 27]. Здесь мы наблюдаем квинтэссенцию названных средств. Интересно, что вводная конструкция *можно сказать* предупредительно используется со статусным словосочетанием *друг детства*, чтобы, на всякий случай, обезопасить себя указанием на субъективный характер такой трактовки истории взаимоотношений тонкого с толстым. Лицо с более высоким социальным статусом хочет исправить ситуацию, морщится, пытается возразить (*Ну, полно!.. Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!*). Таким образом, толстый продолжает общение на *ты*, но ему ничего не остаётся, как распрощаться со всем семейством. Этим А. П. Чехов высказывает мысль о том, что чинопочитание и внешние статусные атрибуты могут быть сильнее дружеских отношений. У людей с более низким социальным статусом причиной такого поведения становится бедность, нереализованность в карьере и зависть к чужим успехам.

Символичны имена центральных персонажей рассказа. Так, имя толстого, *Михаил*, в переводе с древнееврейского обозначает «богоподобный», а имя тонкого, *Порфирий*, хотя и переводится с греческого «багряный», что могло обозначать здоровье, богатство или горячий (огненный) характер, однако в святцах под этим именем значится мученик Порфирий, имевший трудную судьбу не признанного отцом внебрачного сына римского императора Флавия. Таким образом, А. П. Чехов как бы программирует лучший карьерный статус Михаила и «поклонение» ему чинопочитателей.

Уже в самом начале рассказа автор представляет статусное противопоставление одоративных признаков, которые можно считать бытовыми деталями. А. П. Чехов тонко подмечает, что от толстого пахло *хересом* и *флёр-д'оранжем* – напитками, которые считались в конце XIX – начале XX века элитными и по цене доступными человеку с очень высокими доходами. Оба номенклатурных наименования не исконны, в языковой картине русского – символы роскоши (*херес* – заимствовано из венгерского (*Heres*); *флёр-д'оранж* (*fleur d'orange* – «цветок апельсина») – из французского). От тонкого же пахло *ветчиной* и *кофейной гущей* – блюдами человека среднего класса. Причём Чехов использует исконно русскую номенклатуру: *ветчина* и *гуща*. Употребление слова *кофе* вместо *кофейная гуща* снижало бы эффект обычности, неисклительности Порфирия.

Таким образом, продолжая начатое ранее изучение вопроса о зависимости речи человека от его социального статуса, мы на материале рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий» выявили и проанализировали основные языковые средства выражения писателем сословного, карьерного и имущественного статуса персонажей. Языковые средства, которые использует А. П. Чехов для выражения определённого социального статуса персонажа, как правило, направлены на создание статусного контраста. Этот контраст основан как на прямой лексической антонимии, так и на ситуативной антонимии, обусловленной экстралингвистическими особенностями функционирования тех или иных языковых единиц, в том числе прецедентных. Языковыми средствами выражения социального статуса персонажей выступают антонимические пары нарицательных слов и специальных тематических групп, имена и фамилии персонажей, этикетные клише (в том числе специальные), бытовые детали, основанные на особенностях функционирования грамматических категорий формул социально окрашенной речи.

Нам удалось обнаружить два приёма, способствующих реалистичному выражению разных аспектов социального статуса персонажей, когда читатель самостоятельно и точно может дать эту статусную оценку. Это приём взаимного понижения статуса социально контрастирующих персонажей и приём сочетания невербальных и вербальных средств выражения социального статуса. В случае исправления ошибочного мнения о социальном статусе персонажа вербальная реакция на этапах приспособления и участия следует за невербальной.

Список использованной литературы

1. Белашова Е. А. Типология признаков представления статусов лица в процессе исторического развития русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Днепропетровск, 1980. – 19 с.
2. Виденов М. Социолингвистический маркер. София : Делфи, 1998. – 128 с.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты языкового поведения. М. : Наука, 1993. – 172 с.
4. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М. : АН СССР, 1990. – С. 39–56.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. – 336 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
7. Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Русский язык в школе. М., 1983. – С. 78–84.
8. Кудинова Т. А. Просторечие и диалект в языке А. П. Чехова : К характеристике языковой личности писателя : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.01. Ростов н/Д. : Рост. ун-т, 2000. – 24 с.
9. Кыштымова Т. В. Языковые средства выражения комического в письмах А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Челябинск : Челябинский гос. пед. ун-т, 2011. – 25 с.
10. Лелис Е. И. Подтекст как лингвоэстетическая категория в прозе А. П. Чехова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 – русский язык. Саратов : Саратовский гос. ун-т, 2013. – 47 с.
11. Маханова Г. Е. Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Смоленск, 2016. 23 с.
12. Милых М. К. Проблемы языка и стиля А. П. Чехова. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 157 с.
13. Сапов В. В. Статуса социального теории // Современная западная социология : Словарь. М. : Политиздат, 1990. – С. 331–332.
14. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с.
15. Степанова С. Е. Эволюция языковой картины мира центрального персонажа рассказа А. П. Чехова «Душечка» // Мова. Одеса : Астропринт, 2016. – № 25. – С. 62–67.
16. Степанова С. Е. Языковая личность и её причастность к профессии в языковой картине мира и эхо-картинах мира близких людей (на материале рассказов А. П. Чехова,

М. А. Булгакова и В. М. Инбер) // Русская филология : Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – Харьков, 2017. – № 1 (60). – С. 23–27.

17. Степанова С. Е. Языковая картина мира и эхо-картина мира художественного персонажа сквозь призму профессии // Язык. Коммуникация. Культура : сб. материалов Первой международной заочной научно-практической конференции молодых учёных, Москва, ГИРЯП, 20.04.2017 г. М. : ГИРЯП, 2017. – С. 416–421.

18. Степанов Е. Н. Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи // Мова. Одеса : Астропринт, 2014. – № 21. – С. 27–35.

19. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : URSS, 2016. – 336 с.

20. Ходус В. П. Пьесы А. П. Чехова : язык и элементы анализа : монография. Ставрополь : Изд-во «Параграф», 2016. – 143 с.

21. Чехов А. П. Рассказы и повести. М. : Правда, 1979. – 640 с.

22. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology : In 2 vol. / Eds. G. Roth, C. Wittich. Berkeley : Univ. of California Press, 1978. – 1470 p.